

У ВРАТ РАЯ С ВОЛШЕБНОЙ ТРУБОЙ

К еще не наступившему столетию со дня рождения Луи Армстронга

Независимая. — 2000. — 8 июля. — С. 7.

Король джаза Луи Армстронг.
Фото ИТАР-ТАСС

Мария Ремизова

ДОКУМЕНТАЛЬНО установлено, что самый великий джазист (а может быть, и самый великий музыкант XX века) Луи Дэниел Армстронг родился 4 августа 1901 года. Но благодарное человечество, пользуясь датой,

которую он самовольно назначил себе в качестве дня рождения — 4 июля 1900 года, начало праздновать его столетний юбилей прямо сейчас. И это несколько не удивительно — такое событие не грех отметить дважды (а хоть бы и трижды), во всяком случае, многим есть что сказать о великолепном Сачмо, а уж тем средствам массовой информации, которые

работают непосредственно с ушами своей аудитории, тут и карты в руки: этот голос и эту трубу можно, кажется, слушать бесконечно.

Это, кстати, косвенно подтверждают все те рекламные ролики, которые без стеснения эксплуатируют завораживающий тембр его голоса. «*Let my people go*», — как бы приглашает он в некий банк, и кто, позволите спросить, способен устоять против его бесконечного обаяния? Да хоть в самый ад — только бы за этой волшебной трубой... Именно обаяние — в счастливом сочетании с гениальностью — сделало из Армстронга музыканта *для всех*, именно не массового, а своего для каждого, неповторимого и узнаваемого с первой же ноты.

Армстронг родился и рос, что называется, в неблагополучной семье — без отца, в беднейшем районе Нового Орлеана. Его матери при его появлении на свет было всего пятнадцать. Ничего удивительного, что свои первые университеты он проходил в исправительном заведении для несовершеннолетних, куда угодил в 12 лет, учинив на Новый год публичную пальбу из пистолета. Через полтора года он вышел оттуда уже музыкантом такого уровня, который позволял выступать с профессиональными оркестрами Нового Орлеана. В 22-м году он начинает свою профессиональную карьеру в Чикаго, а уже в 25-м выступает и записывается с собственными оркестрами «*Hot Five*» и «*Hot Seven*». В это время он окончательно определяется с инструментом — отныне это труба и только труба. С тех пор Америка, а потом и Европа не переставали рукоплескать «*королю джаза*». С 47-го года он начинает выступать только с оркестром «*All Stars*» — остается с ним до самого конца.

Между тем с губами (давшими когда-то ему прозвище: Satchmo — Satchel Mouth, «*Пот*

как рюкзак», что-то вроде Губошлеп по-нашему) все хуже и хуже. И дело не только в «*профессиональной болезни*» — Армстронг по каким-то причинам прижимал губы к мундштуку не так, как положено, — возможно, этим объясняется особый звук его трубы. Как многие гении, Армстронг был плохо приспособлен к размеренной добропорядочной жизни. Он, увы, злоупотреблял наркотиками, а эти штуки мало способствуют укреплению здоровья. Теперь всякий раз, как он подносит трубу к своим истерзанным губам, он испытывает ни с чем не сравнимые муки. Но не отказывается от трубы — хотя в записях все большее и большее место начинает занимать его голос... В марте 71-го года Армстронг взшел на сцену в последний раз. А 6 июля 1971 года Сачмо вернулся на Небеса...

Армстронг не писал своей музыки, но, исполняя чужую, сразу же раз и навсегда делал ее своей. Есть какая-то высшая справедливость, что он появился на свет именно в то время, когда Благая Весть Черных разнеслась из Нового Орлеана по всему свету, и белые, расслышав ее, благоговейно сняли шляпы. Джаз стал главной формой выражения переживаемых человечеством чувств. И не будь Армстронга, ему в тот конкретный исторический период не удалось бы выразить себя до конца. Были, были другие великие джазисты, но они оставались только великими джазистами. Сачмо легко и свободно, даже, кажется, не заметив того, вырвался за границы джаза, быть может, даже музыки. Он вышел в пространство, где границы жанров и направлений уже не имеют никакого значения. Вышел — и открыл туда еще одну новую дверь. Вот уже почти что сто лет стоит у этой двери черный человек с трубой и просит за нас: «*Let my people go!*...»